

**Жук Ю.Б.,
Саратов, Россия**

"И ПЫШНОЕ ПРИРОДЫ УВЯДАНЬЕ..."

Редки дни в жизни человеческой, когда захочется остановиться и оглянуться назад во вчерашний день, и поразмыслить о прожитой жизни. Все бежишь, бежишь, торопишься: и то надо успеть, и это, а приходит время подвести в конце черту, глядь, и то не смог, и это не успел, не осилил. Или просто отмахнулся: "А потом как-нибудь. Не к спеху". А может, как раз и к спеху было, а ты проскочил, не задумался. А теперь вот коришь себя в конце: "Как же так случилось? Ведь важнее этого тогда и быть ничего не могло. Ан все: ушло времечко, и возратить его, чтоб исправить ошибку, доделать недоделанное никому еще не удавалось.

Предугадать этот день невозможно. Да и нужно ли его предугадывать? Вот он, пришел. И тогда оставишь все, вроде бы, самое важное, главное и уйдешь из дому, чтобы побыть наедине с собой и понять, что тебе в последнее время спать не давало, подумать, поразмыслить, в общем, подвести какой-то итог, а может, и судить себя. Судить тем строгим и справедливым судом, где будешь ты и обвинителем, и защитником, и судьей, и, в конце концов, сам себе вынесешь приговор. И от того, каким он будет, этот приговор, зависит и вся дальнейшая жизнь твоя. Пожалеешь себя, покривишь душой только один раз и привыкнешь на весь отпущенный тебе судьбой оставшийся век перед собой лукавить, ловчить, привыкнешь довольствоваться полуправдой, а потом и она не станет нужна...

...Да, нечасты такие дни и неожиданны. Идешь по городу, по лесу бредешь, сидишь ли у воды, и вдруг, будто тебя что-то толкнет изнутри, шевельнется в груди твоей незнакомое чувство. И тогда стараешься понять, что это, и не поймешь сразу. Вроде, все так, как до этой минуты было, и, вроде, не так все совсем. Странная печаль в душе появится, тоска. Забудешь, о чем думалось до этой поры, шел куда, делал что. А ежели и вспомнится, то уж и думать об этом, и идти, и делать, нет никакого желания.

И остановишься растерянный и непременно сообразишь, отчего с тобой это случилось. И станет на душе тревожно и радостно от понимания произошедшего, и побредешь один на один с собой в целом городе, либо присядешь под деревом в лесу или, забыв про снасти, просидишь, глядя на воду и перебирая в голове все свои беспокойные мысли,

А вокруг тебя будут царить мир и непрочный покой. И еще осень. Не та, ноябрьская, с частыми утренниками и постоянно морозящим нудным дождиком, и не сентябрьская — какая это осень в сентябре, когда бабье лето еще не отгуляло! А та, вступившая в силу, октябрьская, когда бушует по лесам и рекам разноцветье яростных красок: от зеленой, чуть в желтизну, акварели, до бордово-красного, будто жирными мазками по холсту, цвета. Когда в природе творится невероятное, и вся она, в предчувствии огромных перемен сама тревожится и тебя тревожит, по-своему жить заставляет. И ты живешь, и главное, чувствуешь себя частью этого беспокойства и этой гармонии, что тебя окружает.

И будешь ты сомневаться — на то они и существуют, эти дни, чтобы под сомнениями своими подвести черту, — пристать к какому-то берегу, раз и навсегда сделать выбор. Что ж, он может оказаться и неверным. От ошибок никто не застрахован, и не ошибается только тот, кто ничего не

делает. Может, в этот раз ты и вовсе не найдешь ответа, и сомнение останется. Пусть. Придет следующий такой день, и жизнь сама подскажет тебе ответ и правильность сделанного тобой выбора. Не страшно ошибиться или не понять своей ошибки, страшно, поняв ее, настаивать на своем, выдавать ее за истину, зная настоящую правду. Всю жизнь люди совершают поступки, и совершая их, или возвышают, а иногда и возвеличивают себя и окружающих, или напротив, унижают и себя и людей. Страшно, когда это происходит с тобой самим, но когда от поступка твоего гибнут или коверкаются судьбы окружающих, страшно неизмеримо больше. И нет тебе

И, может быть, придет в голову твою вечная и неизменная мысль, которая многие века бередила умы великих и не очень великих, а то и вовсе не великих людей, и задумаешься ты, и станешь для себя решать, что есть истина? Непременно задумаешься хотя бы раз в жизни. И будешь ломать голову, хотя насильно тебя никто не заставлял. Что это? Постоянное, неменяющееся понятие, то есть истина есть истина на все времена и случаи, или это то, что на данный момент считается ею, а пройдет какой-то срок, изменится время, и то, что казалось на тот день истиной, станет заблуждением или, того хуже,— ересью. Долго будешь ты думать над этим, но так и не обретишь ясности, потому что много больших и малых несоответствий обнаружишь между кажущейся стройностью своей теории, что истина одна-де на все времена, и жизнью, со времен отрекающегося Галилея до каждодневных ситуаций нашей повседневности, где теория твоя то и дело терпит крах. И, так и не найдя ответа в душе своей, станешь примерять ее на себя, всегда ли сам жил так, как думаешь. И заметишь, что сплошь и рядом сам же и преступал закон, тобой созданный; сам не раз и не два нарушал его; и тут поймешь, что мысли для вечности и высокой материи — это одно, а окружающая жизнь, сотканная из мелочей и частных,— совсем другое. И сколько бы ты ни разглагольствовал о высоком, сколько бы ни бил себя в грудь, обещая взойти на Голгофу, пока не станешь жить, как думаешь, не понять тебе истины никогда, не понять и гармонии жизни.

А может, вовсе не о том будешь думать ты, а нахлынет на тебя волнение, и вспомнится самое близкое, что не остыло в памяти и лежит ближе к сердцу, не отболело еще, И мелькнет быстрой ласточкой вначале неясная картинка из прошлого, потом прояснится, остановится. И увидишь ты себя совсем молодым, в те не такие уж и далекие, если хорошенько поразмыслить, времена, когда неразрешимых проблем в мире вроде и не было, когда казалось все простым и понятным, а дальнейшая жизнь виделась, пусть и не очень ясной, но интересной и радостной. В душе теснились и рвались наружу сотни идей, и хотелось куда-то ехать, хоть и "за туманом", что-то делать, неважно что, лишь бы по душе, хотя душе и самой непонятно было, что же ей хотелось тогда, все испытать, хоть и "суму и тюрьму", через все пройти самому, выстоять, выдержать, не сломаться и обугленным "в топке жизни" прийти к своему ее пониманию, к своей справедливости.

Так и будешь думать ты, пока не столкнешься впервые с лицемерием или жестокостью, несправедливостью или предательством. И тогда почувствуешь всю незащищенность и ранимость души своей, поймешь, какой жестокой может вдруг оказаться жизнь, как больно может ранить поступок безразличного тебе человека.

Всегда страшно, когда тебя предают. Но если тебя предаст близкий человек, страшно вдвойне. Сколько раз ты готов был распахнуться

навстречу каждому, видя в нем преданного друга, готового за тебя в огонь и в воду. Но, испытав горькое чувство после первого предательства, ожесточившись после второго, оставшись почти равнодушным после третьего, перестаешь близко сходитья даже с хорошими знакомыми, боясь, что все окончится так же, как и раньше, когда кроме пустоты в душе ничего не останется, и на долгое время там, в этой самой душе, поселится лишь пустота, смешанная с болью и горечью утраты. Поначалу не хочешь в предательство верить, отрицаешь явное, ставшее фактом, убеждаешь себя: это — ложь, сплетни, наветы; и, в конце концов, сломленный очевидностью, уходишь разбитый и обездоленный, чтобы где-то пережить, переварить случившееся.

В первый раз пытаешься дойти до сути, выясняешь отношения, даешь возможность оправдаться, но наталкиваешься на ложь, на грубость, на попытку вывернуться, а то и просто на растерянность: мол, откуда тебе все это известно?

Теперь же, нахватав шишек и немного помудрев, просто уходишь, вычеркиваешь из своей жизни этого человека, будто его и не было никогда, испытывая лишь досаду: опять обманулся, глупец! И немного жалости к нему, иногда даже его оправдывая: может, он не мог, и не сможет никогда поступать иначе? И раз от раза черствеешь душой, томишься и мучаешься один, не в состоянии раскрыть ее близкому (а иной раз так хочется), поделиться самым сокровенным (а иной раз так это нужно), просто поплакать, расслабиться.

А время идет. И страшно становится от мысли, что там, в конце, когда тебя принесут на погост и станут говорить прощальные слова, никто не взгрустнет от души, лишь по обязанности произносятся истертые, по сути своей ничего не выражающие слова от профкома, от парткома и прочих "комов".

Но потом вспомнишь о жене. Уж она-то поплачет, погорюет. И, как не дико, легче станет жить. Но все равно больно.

И познаешь ты, что такое крушение идеалов, так долго и старательно тобой воздвигаемых, как стройное и единое, чему ты пытался следовать все последнее время, обращается в прах, в ничто. И вновь, в который раз, задашь себе вопрос: как жить дальше? И сам же, в который раз, ответишь на него: так же, как жил раньше, в ладу со своей совестью, чтобы ночами, оставаясь наедине с собой, не мучиться от стыда за содеянное днем, чтобы не стыдно было смотреть в глаза сыну, когда он скажет тебе, мол, как же так, отец, учишь одному, а сам... И вспомнишь ты, если чуть-чуть покопаешься в памяти, что не раз и не два ловил укоровизненные, украдкой брошенные взгляды своего совсем взрослого сына, который давно все понимает и старается оправдать, а то и простить тебя, поступаясь собственными, появившимися принципами за то, за что и сам ты не раз пытался оправдать или простить других.

И подумаешь ты: как в жизни все связано. Совершенный кем-то поступок, оброненное где-то неосторожное слово не исчезают тут же, но порождают новые поступки и новые слова. И от того, какими они будут, эти слова и поступки, зависит и судьба близких тебе людей. Зависть породит только зависть. Ложь — только ложь, а предательство — новое предательство. И остановить этот процесс трудно, порою совсем невозможно.

И будешь ты пребывать в растерянности, умом не в состоянии ухватить суть этой последней своей мысли, интуитивно, может быть,

понимая, что быть такого не может. Не должен человек жизнь свою строить, не считаясь с другими и унижая их. И отметишь, отбросишь лезущие в голову живые примеры из сегодняшней жизни: а как же этот? А тот, как же? Ведь живут. И не плохо, видно, живут, потому что меняться, судя по всему, не собираются. Может, и нужно так? Может, время такое нынче? И только ты один, вшивый идеалист, все еще куда-то тянешься со своими теориями и рассуждениями, которые давно никому не нужны, и место им на городской свалке, как старому отжившему свой век хламу.

Но пройдет эта минутная волна слабости, и вновь мысли твои обретут стройность. И скажешь ты себе все правильно. Для того и существует в мире зло, чтобы на него было кому ответить добром, на ложь — правдой, на лицемерие — честностью, а на предательство — верностью. И сколько будет существовать на земле человек, столько и они будут существовать рядом с человеком бок о бок. А уж выбирать, к какому лагерю тебе самому прибиться, — твое личное дело.

Все верно, скажешь ты себе. Все правильно. Так, как жил, и надо жить дальше. И покойно после этого будет твоей совести и душе твоей, от того, что, может быть, самый серьезный отрезок жизни своей прожил достойно. И не в чем винить себя, и не за что каяться.

Тогда светло будет тебе до следующего такого дня, когда вновь настанет срок, самому себе дать ответ.